

СКАЗКИ
ПРО
СОБАК

Аннотация

В сборник «Сказки про собак» вошли как авторские, так и народные сказки. Многим из нас эти сказки знакомы еще с детства. Их юмор, фантазия и мудрость не оставит равнодушными ни взрослого, ни ребенка. Чтение этой книги отправит вас в замечательное путешествие по удивительному миру, созданному братьями Гримм, Редьярдом Киплингом, Сашей Черным и др. Герои этих захватывающих сказок заставят вас порой закрыть глаза ладонями от страха, а порой искренне улыбаться. Читая эту книгу своим детям, вы доставите им и себе незабываемое удовольствие.

Сказки про собак

Братья Гримм

Пёс и воробей

пер. П. Н. Полевой (под ред.)

У одной собаки-овчарки хозяин был недобрый человек, и потому ей приходилось немало терпеть от голода. Будучи не в силах выносить этот голод, собака в конце концов ушла от него, совсем опечаленная.

На дороге повстречался с ней воробей и сказал: «А скажи-ка ты мне, песик-братик, отчего ты так закручинился?» Пес отвечал: «Я мучусь от голода, а поесть мне нечего». И воробей сказал: «Братец, пойдем в город, там я тебя накормлю досыта».

Вот и пошли они вместе в город, и когда подошли к мясной лавке, воробей сказал: «Постой здесь, я тебе сейчас кусок мяса с прилавка сцапаю».

И точно: уселся на прилавок, оглянулся во все стороны, увидел, что никто за ним не примечает, и до тех пор поклевывал, потаскивал и поволакивал кусок говядины, лежавший на краю прилавка, пока кусок не свалился на пол. Пес его тотчас подхватил, побежал в укромный уголок и съел.

Тогда воробей сказал: «Пойдем к другой лавке, я тебе там еще один кусок с прилавка скину, чтобы ты мог насытиться».

Когда же пес и второй кусок съел, воробей спросил у него: «Песик-братик, сыт ли ты теперь?» — «Да, говядинки я поел досыта, — отвечал пес, — а вот хлеба-то у меня еще и во рту не было». Воробей сказал: «И это тебе добудем, ступай за мной».

И повел его к лавке хлебника, и до тех пор поклевывал и подталкивал два небольших хлебца, пока они не свалились с прилавка, и когда пес еще хлеба захотел, повел его к другому хлебнику и там тоже добыл ему хлеба.

Когда все это было съедено, воробей сказал: «Песикбратик, сыт ли ты теперь?» — «Да, — отвечал пес, — и теперь мы можем сделать маленькую прогулку за город».

Вот и вышли они вместе на большую дорогу. Погода была теплая, и пес сказал: «Устал я, и недурно бы мне поспать маленько». — «Да! Да! Усни, — отвечал воробей, — а я тем временем усядусь на ветке». Пес раскинулся на дороге и заснул.

Лежит он и спит, а по дороге едет ломовой извозчик и везет в повозке две бочки вина на тройке лошадей. Воробей увидел, что он не хочет сворачивать с дороги и едет по той колее, поперек которой лежал, растянувшись, пес, и закричал: «Извозчик, сверни маленько в сторону, не то я тебя разорю». Извозчик проворчал себе под нос: «Посмотрим, как это ты меня разоришь?» — защелкал бичом и перекатил повозку через пса, так что тот остался мертвым на месте.

Тогда воробей крикнул ему: «Ты задавил моего песикабрата, так знай же: это будет тебе стоить телеги и лошадей!» — «Вот еще, телеги и лошадей! — сказал извозчик. — Посмотрел бы я, как это ты мне повредить можешь». И поехал далее.

Тогда воробей подобрался под брезент, которым телега была прикрыта, и давай расклеивать дырку бочки настолько, что затычка из нее выскочила; и вытекло из бочки все вино, а извозчик того и не заметил. Когда же он как-то оглянулся назад и увидел, что с телеги каплет, то стал осматривать бочки и тут только убедился, что одна из бочек пуста. «Ах я, несчастный!» — воскликнул он. «Недостаточно еще несчастлив!» — сказал ему воробей и, взлетев одной из лошадей на голову, выклевал ей глаза.

Увидев это, извозчик вытащил из-за пояса свой крюк и швырнул им в воробья; но воробей взвился вверх, а крюк угодил лошади в голову и убил ее насмерть. «Ах я, несчастный!» — воскликнул он. «Недостаточно еще несчастлив!» — сказал воробей, и когда извозчик потащился далее на своей паре лошадей, воробей опять забрался под брезент, выклевал и из другой бочки затычку и выпустил из нее все вино.

Когда извозчик это увидел, он опять воскликнул: «Ах я, несчастный!», — но воробей по-прежнему отвечал ему: «Недостаточно еще несчастлив!» — сел второй лошади на голову и той тоже выклевал глаза.

Извозчик подбежал и набросился на него с крюком, но воробей взвился вверх, крюком попало лошади по голове да так, что она осталась на месте. «Ах я, несчастный!» — «Недостаточно еще несчастлив!» — сказал воробей, сел и третьей лошади на голову и стал ей клевать глаза.

Извозчик в ярости опять набросился на воробья с крюком, но воробей от него улетел, а он и третью свою лошадь убил на месте. «Ах я, несчастный!» — воскликнул он. «Недостаточно еще несчастлив!» — отвечал воробей. — Теперь я полечу вперед и дома все у тебя разорю!» — и, точно, полетел вперед.

Извозчик должен был бросить телегу на дороге и побрел домой пешком, гневный и озлобленный.

«Ах, — сказал он жене, придя домой, — сколько бед на меня обрушилось: и вино-то у меня из бочек повытекло, и все три лошади пали!» — «Ах, муженек! Да что это за злая птичка к нам в дом прилетела! Она со всего света птиц созвала, и все они набросились на нашу пшеницу и поедают ее взапуски».

Поднялся извозчик на верх дома, чтобы взглянуть на свое поле, и увидел, что тысячи и тысячи птиц сидят на том поле и пшеницу всю уж склевали, и воробей тут же, между птицами. Тут закричал извозчик: «Ах я, несчастный!» — «Недостаточно еще несчастлив! — отвечал воробей. — Ты мне, извозчик, еще и жизнью поплатишься!» — и улетел прочь.

Извозчик, потерявший в тот день разом все свое достояние, сошел вниз в комнату и сел на печку, озлобленный и разъяренный.

А воробей тем временем присел на подоконник и крикнул: «Извозчик, ты мне еще жизнью поплатишься!» Тогда извозчик ухватился за крюк и бросился к воробью, но только стекла в окне перебил, а по воробью не попал.

А воробей и в дом влетел, и на печку сел, и крикнул: «Извозчик, ты мне еще жизнью поплатишься!» Извозчик, совсем обезумевший и ослепленный яростью, бросился к печи и разбил ее вдребезги, и метался вслед за воробьем, куда бы тот ни присаживался, и перебил всю домашнюю утварь, зеркальце, скамьи, стол, даже стены своего дома, а воробей все от него увертывался.

Наконец-таки удалось ему ухватить воробья рукой. «Не прикажешь ли убить его?» — спросила извозчика жена. «Не-е-т! — воскликнул он. — Убить его мало! Надо его уморить мучительной смертью — я проглочу его живьем!» Взял да разом и проглотил воробья.

А воробей-то начал у него в желудке летать да попархивать и наконец опять взлетел извозчику в самую глотку, а оттуда в рот, выставил изо рта голову и крикнул: «Извозчик, а ты все же поплатишься мне жизнью!»

Тогда извозчик подал жене своей крюк и сказал: «Жена, убей ты воробья у меня во рту!» Жена крюком ударила, да маленько промахнулась и угодила мужу крюком по голове, убив его наповал. А воробей тем временем изо рта его выпорхнул и улетел.

Медведь, собака и кошка

Русская народная сказка

Жил себе мужик, у него была добрая собака, да как устарела — перестала и лаять и оберегать двор с амбарами. Не захотел мужик кормить ее хлебом, прогнал со двора. Собака ушла в лес и легла под дерево издыхать. Вдруг идет медведь и спрашивает: «Что ты, кобель, улегся здесь?» — «Пришел околевать с голоду! Видишь, нынче какая у людей правда: покуда есть сила — кормят и поят, а как пропадет сила от старости — ну и погонят со двора». — «А что, кобель, хочется тебе есть?» — «Еще как хочется-то!» — «Ну, пойдем со мною; я тебя накормлю».

Вот и пошли. Попадается им навстречу жеребец. «Гляди на меня!» — сказал медведь собаке и стал лапами рвать землю. «Кобель, а кобель!» — «Ну что?» — «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?» — «Красны, медведь!» Медведь еще сердитее начал рвать землю. «Кобель, а кобель! Что — шерсть взъерошилась?» — «Взъерошилась, медведь!» — «Кобель, а кобель! Что — хвост поднялся?» — «Поднялся!» Вот медведь схватил жеребца за брюхо; жеребец упал наземь. Медведь разорвал его и говорит: «Ну, кобель, ешь сколько угодно. А как приберешь все, приходи ко мне».

Живет себе кобель, ни о чем не тужит; а как съел все да проголодался опять, побежал к медведю. «Ну что, брат, съел?» — «Съел; теперича опять пришлось голодать». — «Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?» — «Знаю». — «Ну, пойдем; я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу из зыбки ее ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Как отнимешь, и отнеси назад; она за то станет тебя по-старому кормить хлебом». Вот ладно, прибежал медведь, подкрался и унес ребенка из зыбки. Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли-догоняли и не могли нагнать, так и воротились; мать плачет, бабы тужат.

Откуда не взялся кобель, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад. «Смотрите, — говорят бабы, — старый-то кобель отнял ребенка!» Побежали навстречу. Мать уж так рада-рада. «Теперича, — говорит, — я этого кобеля ни за что не покину!» Привела его домой, налила молочка, покрошила хлебца и дала ему: «На, покушай!» А мужику говорит: «Нет, муженек, нашего кобеля надо беречь да кормить; он моего ребенка у медведя отнял. А ты сказывал, что у него силы нет!» Поправился кобель, отъелся: «Дай бог, — говорит, — здоровья медведю! Не дал помереть с голоду», — и стал медведю первый друг.

Раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришел к собаке в гости. «Здорово, кобель! Ну как поживаешь — хлеб поедает?» — «Слава богу! — отвечает собака. — Не житье, а масленица. Чем же тебя потчевать? Пойдем в избу. Хозяева загуляли и не увидят, как ты пройдешь; а ты войди в избу да поскорей

под печку. Вот я что добуду, тем и стану тебя потчевать». Ладно, забрались в избу. Кобель видит, что гости и хозяева порядком перепились, и ну угощать приятеля. Медведь выпил стакан, другой, и поразобрало его. Гости затянули песни, и медведю захотелось, стал свою заводить; а кобель уговаривает: «Не пой, а то беда будет». Куды! Медведь не утихает, а все громче заводит свою песню. Гости услышали вой, похватали колья и давай бить медведя; он вырвался да бежать, еле-еле жив уплелся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей, и ну проказить: куда ни полезет, а что-нибудь разобьет или из кувшина прольет. Мужик прогнал кошку из дому, а собака видит, что она бедствует без еды, и начала потихоньку носить к ней хлеба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; как узнала про это, принялась кобеля бить; била-била, а сама приговаривала: «Не таскай кошке говядины, не носи кошке хлеба!» Вот дня через три вышел кобель со двора и видит, что кошка совсем с голоду издыхает. «Что с тобой?» — «С голоду помираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормил». — «Пойдем со мною».

Вот и пошли. Приходит кобель к табуну и начал копать землю лапами, а сам спрашивает: «Кошка, а кошка! Что — глаза красны?» — «Ничего не красны». — «Говори, что красны!» Кошка и говорит: «Красны». — «Кошка, а кошка! Что — шерсть ошетибилась?» — «Нет, не ошетибилась». — «Говори, дура, что ошетибилась». — «Ну, ошетибилась». — «Кошка, а кошка! Что хвост — поднялся?» — «Ничего не поднялся». — «Говори, дура, что поднялся!» — «Ну, поднялся». Кобель как бросится на кобылу, а кобыла как ударит его задом: у кобеля и дух вон! А кошка и говорит: «Вот теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась, и хвост завился. Прощай, брат кобель! И я пойду помирать».

Собака и дятел

Русская народная сказка

Жили мужик да баба и не знали, что есть за работа; а была у них собака, она их и кормила и поила. Но пришло время, стала собака стара; куда уж тут кормить мужика с бабой! Чуть сама с голоду не пропадает. «Послушай, старик, — говорит баба, — возьми ты эту собаку, отведи за деревню и прогони; пусть идет куда хочет. Теперича она нам не надобна! Было время — кормила нас, ну и держали ее». Взял старик собаку, вывел за деревню и прогнал прочь.

Вот собака ходит себе по чистому полю, а домой идти боится: старик со старухой станут бить-колотить. Ходила-ходила, села наземь и завыла крепким голосом. Летел мимо дятел и спрашивает: «О чем ты воешь?» — «Как не выть мне, дятел! Была я молода, кормила-поила старика со старухой; стала стара, они меня и прогнали. Не знаю, где век доживать». — «Пойдем ко мне, карауль моих детушек, а я кормить тебя стану». Собака согласилась и побежала за дятлом.

Дятел прилетел в лес к старому дубу, а в дубе было дупло, а в дупле дятлово гнездо. «Садись около дуба, — говорит дятел, — никого не пушай, а я полечу разыскивать корму». Собака уселась возле дуба, а дятел полетел. Летал-летал и увидал: идут по дороге бабы с горшочками, несут мужьям в поле обедать; пустился назад к дубу, прилетел и говорит: «Ну, собака, ступай за мною; по дороге бабы идут с горшочками, несут мужьям в поле обедать. Ты становись за кустом, а я окунусь в воду да вываляюсь в песку и стану перед бабами по дороге низко порхать, будто взлететь повыше не могу. Они начнут меня ловить, горшочки свои постаноят наземь, а сами за мною. Ну, ты поскорее к горшочкам-то бросайся да наедайся досыта».

Собака побежала за дятлом и, как сказано, стала за кустом; а дятел вывалялся весь в песку и начал перед бабами по дороге перепархивать. «Смотрите-ка, — говорят бабы, — дятел-то совсем мокрый, давайте его ловить!» Покинули наземь свои горшки, да за дятлом, а он от них дальше да дальше, отвел их в сторону, поднялся вверх и улетел. А собака меж тем выбежала из-за куста и все, что было в горшочках, приела и ушла. Воротились бабы, глянули, а горшки катаются порожние; делать нечего, забрали горшки и пошли домой.

Дятел нагнал собаку и спросил: «Ну что, сыта?» — «Сыта», — отвечает собака. «Пойдем же домой». Вот дятел летит, а собака бежит; попадает им на дороге лиса. «Лови лису!» — говорит дятел. Собака бросилась за лисою, а лиса припустила изо всех сил. Случись на ту пору ехать мужику с бочкою дегтю. Вот лиса кинулась через дорогу, прямо к телеге и проскочила сквозь спицы колеса; собака было за нею, да завязла в колесе; тут из нее и дух вон.

«Ну, мужик, — говорит дятел, — когда ты задавил мою собаку, то и я причину тебе великое горе!» Сел на телегу и начал долбить дыру в бочке, стучит себе в самое дно. Только отгонит его мужик от бочки, дятел бросится к лошади, сядет промежду ушей и долбит ее в голову. Сгонит мужик с лошади, а он опять к бочке; таки продолбил в бочке дыру и весь деготь выпустил. А сам говорит: «Еще не то тебе будет», — и стал долбить у лошади голову. Мужик взял большое полено, засел за телегу, выждал время и как хватит изо всей мочи; только в дятла не попал, а со всего маху ударил лошадь по голове и ушиб ее до смерти. Дятел полетел к мужиковой избе, прилетел и прямо в окошко. Хозяйка тогда печь топила, а малый ребенок сидел на лавке;

дятел сел ему на голову и ну долбить. Баба прогоняла-прогоняла его, не может прогнать: злой дятел все клюет; вот она схватила палку да как ударит: в дятла-то не попала, а ребенка зашибла...

Бременские музыканты

Перевод под редакцией П. Н. Полевого 1893

У одного хозяина осел, который уж много лет сряду таскал да таскал кули на мельницу, да наконец-таки обессилел, и начал становиться к работе непригодным. Хозяин стал соображать, как бы его с корму долой сбыть; но осел вовремя заметил, что дело не к добру клонится, убежал от хозяина и направился по дороге в Бремен: там, мол, буду я городским музыкантом.

Прошел он сколько-то по дороге и наткнулся на легавую собаку, которая лежала на дороге и тяжело дышала: видно было, что бежала издалека. «Ну, что ты так запыхалась, Хватайка?» — спросил осел. «Ах, постарела ведь я да ослабла и к охоте негодна становлюсь, — отвечала собака, — так хозяин-то мой убить меня собирался! Ну, я и удрала из дому! Да вот только не знаю, чем мне будет теперь хлеб заработать?» — «А знаешь ли, что я придумал?» — сказал осел. — «Иду в Бремен и собираюсь там быть уличным музыкантом. Пойдем вместе, поступай тоже в музыканты. Я стану на лютне играть, а ты в медные тарелки бить». Собака согласилась с удовольствием, и пошли они далее.

Немного прошли, повстречали на дороге кота; сидит хмурый такой, пасмурный. «Ну, тебе что не по нутру пришлось, Усатый?» — спросил осел. «Небось не очень развеселишься, когда до твоей шкуры» добираться станут! — отвечал кот. — Из-за того, что я стар становлюсь и зубы у меня притупились и что я охотнее сижу за печкой да мурлычу, чем мышей ловлю, хозяйка-то моя вздумала меня утопить. Я, конечно, от нее таки улизнул и вот теперь и не знаю: куда голову приклонить?» — «Пойдем с нами в Бремен. Ведь ты ночью вон какую музыку разводишь — значит, и в уличные музыканты пригодишься». Коту совет показался дельным, и он пошел с ними по дороге. Пришлось затем нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, и видят они — сидит на воротах петух и орет что есть мочи. «Чего ты это орешь во всю глотку так, что за ушами трещит?» — спросил его осел. «Да вот я предсказал на завтра хорошую погоду, — сказал петух, — потому что завтра Богородицын день; но из-за того, что завтра, в воскресенье, к нам гости будут, хозяйка все же без жалости велела меня заколоть на суп, и мне сегодня вечером, наверно, свернут шею. Ну, и кричу я во все горло, пока могу». — «Ишь ведь, что выдумал, красная головушка! — сказал осел. — Да тебе же лучше с нами уйти! Идем мы в Бремен. Все это лучше смерти будет! Да и голос у тебя такой славный: а если мы все вместе заведем музыку, так это будет очень и очень недурно».

Понравилось петуху это предложение, и вот они все четверо направилась далее.

Однако же в один день им не удалось добраться до Бремена. Вечером пришли они к лесу, где и задумали заночевать. Осел и собака легли у корня большого дерева, кошка и петух забрались в ветви его, а петух взлетел даже на самую вершину дерева, где ему казалось всего безопаснее.

Прежде чем глаза сомкнуть, он еще раз огляделся во все стороны, и показалось ему, что вдали что-то светится: вот он и крикнул товарищам, что где-нибудь неподалеку есть жильё, потому огонек мерцает.

Осел и сказал: «Ну, так надо с места сниматься и еще таки вперед брести, потому что тут уют у нас неважный». Собака при этом подумала, что пара косточек да мясца кусочек ей были бы и очень кстати.

Вот и пошли они на огонек, и огонек светил все светлее, становился больше и больше — и, наконец, вышли они к ярко освещенному дому, который был разбойничьим притоном.

Осел был повыше всех, подошел к окошку, да и стал смотреть. «Ты что там видишь. Серый?» — спросил петух. «Что вижу? Накрытый стол, а на нем и яства, и питье, и разбойники за столом сидят и угощаются». — «Это бы и для нас не вредно было!» — сказал петух. «Да, да, хорошо бы и нам быть там!» — сказал осел.

Тогда стали они между собою совещаться, как бы им ухитриться и разбойников из дома повышать...

Наконец-таки нашли способ. Осел должен был упереться передними ногами в подоконник, собака вспрыгнуть ему на спину, кошка взобраться на спину собаки, а петух должен был взлететь и сесть кошке на голову. Как установились, так по данному знаку разом и принялись за свою музыку: осел за-ревел, собака залаяла, кот замаякал, а петух стал кукарекать. А потом и вломились в дом через окно, так что оконницы задребезжали.

Разбойники, слышав этот неистовый рев, повскакали со своих мест; им показалось, что в окно лезет какое-то страшное привидение, и они в ужасе разбежались по лесу.

Тут уселись наши четверо приятелей за стол, принялись за остатки ужи-на и так наелись, как будто им предстояло голодать недели с три.

Покончив с ужином, все четверо музыкантов загасили огни в доме и стали себе искать постели, каждый по своему вкусу и удобству.

Осел улегся на навозе, собака прикорнула за дверью, кошка растянулась на очаге около теплой золы, а петух взлетел на шесток; и так как они все были утомлены своим долгим странствованием, то и заснули очень скоро.

Когда минула полночь и разбойники издали увидели, что огни в их доме погашены и все, по-видимому, спокойно, тогда их атаман сказал им: «Чего мы это сдуру так пометались!» — и велел одному из шайки пойти к дому и поразнюхать.

Посланный видит, что все тихо, и вошел в кухню, чтобы вздуть огня; подошел к очагу, и покажись ему кошачьи глаза за горящие уголья. Он и ткнул в них серной спичкой, чтобы огня добыть. Но кот шутить не любил: как вскочит, как фыркнет ему в лицо да как цапнет!

Разбойник с перепугу бросился к черному ходу, но и тут собака сорвалась со своего места да как укусит его в ногу!

Он пустился напрямик через двор мимо навозной кучи, а осел-то как даст ему заднею ногою!

В довершение всего петух на своем шестке от этого шума проснулся, встрепенулся и заорал во всю глотку: «Ку-каре-ку!»

Побежал разбойник со всех ног к атаману и доложил: «В доме там поселилась страшная ведьма! Она мне в лицо дохнула и своими длинными пальца-ми поцарапала! А у дверей стоит человек с ножом — мне им в ногу пырнул! А на дворе дрыхнет какое-то черное чудище, которое на меня с дубиной на-кинулось. А на самом-то верху сидит судья да как крикнет: «Давай его, плута, сюда!» Едва-едва я оттуда и ноги уволок!»

С той поры разбойники не дерзали уж и носа сунуть в дом, а четверым бременским музыкантам так в нем полюбилось, что их оттуда ничем было не выманить.

Кто их там видал, тот мне о них рассказывал, а я ему удружил — эту сказку сложил.

Редьярд Киплинг

Маугли. Вторая книга джунглей. Рыжие собаки

Именно после того, как джунгли вошли в деревню, для Маугли началась самая приятная часть его жизни. Он наслаждался спокойной совестью, как человек, только что уплативший долг; все в джунглях обращались с ним дружески и чуть-чуть боялись его. То, что он делал, то, что он видел и слышал во время своих блужданий от одного племени к другому со своими ли четырьмя товарищами или совсем один, составило бы множество рассказов, таких же длинных, как вот этот. Итак, вам никогда не скажут, как Маугли повстречался с безумным слоном из Мандлы, который, напав на обоз фур, запряжённых двадцатью двумя быками и нагруженных серебряными монетами для правительственного казначейства, убил быков и разбросал в пыли блестящие рупии; как он целую ночь бился с Джекалом, крокодилом, в северных болотах и сломал свой нож о роговые пластинки на спине этого чудовища; как нашёл новый и более длинный нож, который висел на шее человека, убитого диким кабаном; как выследил этого самого кабана и, в свою очередь, убил его, в уплату за нож; как однажды он чуть не погиб от голода, из-за передвижения оленей, которые едва не раздавили его, бросаясь из стороны в сторону; как он уберёг Хати Молчаливого от опасности провалиться в яму с колом и как на следующий день сам попал в очень хитрую леопардовую ловушку, и Хати разломал на куски толстые деревянные перекладыны над его головой; как он доил диких буйволиц в болоте и как...

Но нам следует рассказывать по порядку, по одной истории. Родители волки умерли, и Маугли загородил большим камнем вход в родную пещеру и пропел погребальную песню; Балу сильно состарился, сделался неповоротлив, и даже Багира, нервы которой были твёрды, как сталь, а мускулы крепки, как железо, стала охотиться чуть-чуть медленнее прежнего. Акела уже был не серый волк; он сделался молочно-белым от старости; его рёбра выдавались и он двигался точно деревянный; Маугли убивал для него дичь. Но молодые волки, дети рассеянной стаи, процветали и множились, и когда их набралось около сорока, всех безначальных, громкоголосых пятигодовалых, Акела посоветовал им собраться вместе, начать следовать Закону и бегать под предводительством одного вожака, как это подобало Свободному Народу.

Этот вопрос совершенно на касался Маугли, потому что, как он говорил, ему однажды пришлось отведать горького плода, и он знал дерево, на котором этот плод вырастает, но когда Фао, сын Фаона, главного разведчика во дни главенства Акелы, добился согласно Закону Джунглей места вожака стаи и под звёздным небом снова зазвучали старинные призывы и старинные песни, Маугли ради прошлого согласился приходить к Скале Совета. Когда он говорил, стая ждала, выслушивая его до конца, и он сидел рядом с Акелой на скале немного ниже утёса Фао. Это были дни, в которые стая хорошо охотилась и крепко спала. Никто чужой не решался врываться в джунгли, принадлежавшие племени Маугли, как стая называла себя, и молодые волки толстели, набирались сил. Для осмотра приводили множество волчат. Маугли всегда присутствовал при осмотре и вспоминал ту ночь, в которую чёрная пантера купила бесшёрстого коричневого ребёнка, и протяжный возглас: «Смотрите, смотрите хорошенько, о волки», заставлял трепетать его сердце. В

другое же время Маугли и его четыре брата уходили далеко в джунгли, пробовали, ощупывали новые вещи, разглядывали и обнюхивали их.

Раз в сумерки он бежал лёгким шагом, чтобы отдать Акеле половину убитого им оленя, а четыре волка трусили за ним, боролись между собой, опрокидывали друг друга, полные радости жизни. Вдруг Маугли услышал крик, неслыханный с недоброго времени Шер Хана. Такой крик в джунглях зовётся «фиал». Это неприятный визг шакала, который охотится позади тигра, его вопль перед началом огромной грызни. Если вы способны представить себе выражение ненависти, торжества, страха, отчаяния вместе с оттенком чего-то вроде насмешки, всё слившееся в одном возгласе, вы получите некоторое представление о том фиале, который то усиливался, то затихал, колебался, вздрагивая далеко за рекой. Четыре волка сразу остановились, ошетинились и заворчали. Рука Маугли взялась за нож; он тоже замер, кровь бросилась ему в лицо; он нахмурился.

— Ни один полосатый не смеет убивать здесь, — сказал он.

— Это не крик «предшественников», — ответил Серый Брат. — Идёт большая охота. Слушай.

Снова зазвучал вопль, не то рыдание, не то смех; казалось, будто у шакала были мягкие человеческие губы. Переведя дух, Маугли побежал к Скале Совета и по дороге обогнал волков из сионийской стаи. Фао и Акела, оба, сидели на скале; ниже помещались остальные, насторожившиеся, внимательные. Матери с волчатами убежали к своим логовищам; когда раздаётся фиал, слабым существам не время быть на открытом месте.

Ничего не было слышано, только Венгунга журчала и плескалась в темноте, да лёгкий вечерний ветер шелестел в вершинах деревьев; вдруг из-за реки раздался призыв волка. Он не принадлежал к стае, потому что все сионийские волки были около Скалы Совета. Вой превратился в продолжительный отчаянный лай; он говорил: «Долы! Долы! Долы, долы!» По скалам зацарапали усталые лапы, и очень худой волк с окровавленными боками, со сломанной передней лапой и с пеной у рта бросился в круг и, задыхаясь, лёг в ногах у Маугли.

— Хорошей охоты! Под чьим предводительством? — серьёзно спросил его Фао.

— Хорошей охоты! Я — Вон-толла, — послышался ответ.

Это значило, что израненный пришелец — одинокий волк, что он сам заботится о себе, что его подруга и детёныши скрываются в уединённой пещере, по обычаю многих волков юга. Вон-толла значит отщепенец, волк, отделившийся ото всех стай. Раненый задыхался, и все видели, как от ударов сердца он качался то вперёд, то назад.

— Кто идёт? — спросил Фао (в джунглях всегда задают этот вопрос после того, как раздался фиал).

— Долы, долы, деканские долы! Рыжие собаки-убийцы! Они пришли с юга, говоря, что в Декане нет дичи, и по дороге убивают всё и всех. Когда эта луна была молода, я имел четверых близких, подругу и трёх волчат. Она хотела научить их охотиться на травянистой низине, прятаться, чтобы выгонять оленя, как делаем всегда мы, жители открытых равнин. В полночь я услышал, как все они вместе воют по следу. Когда же подул ветер рассвета, я нашёл их окоченевшие трупы... Четверо! Свободный Народ, четверо было их при начале этой луны! Тогда я решил воспользоваться своим правом крови и отыскал долов.

— Сколько их? — быстро спросил Маугли. И волки стаи заворчали глубоким горловым звуком.

— Я не знаю. Три дола никогда больше не будут убивать дичи; остальные же гнали меня, как оленя; они гнали меня, а я убежал от них на трёх ногах. Смотри, Свободный Народ!

Он вытянул свою переднюю изуродованную лапу, потемневшую от запёкшейся крови. Его бока были жестоко искусаны; горло разорвано.

— Поешь, — сказал Акела, отстраняясь от мяса, которое ему принёс Маугли, и пришелец накинудся на остатки оленя.

— Ваше дело не пропадёт, — скромно сказал он, утолив свой первый голод. — Дайте мне набраться сил, и я тоже буду убивать. Ведь опустело моё логовище, которое было полно, когда с неба смотрела новая луна, и долг крови уплачен не вполне.

Фао услышал, как под зубами Вон-толла хрустнула толстая кость оленьего бедра, и одобрительно проворчал:

— Нам понадобятся эти челюсти. С долами идут детёныши?

— Нет, нет! Одни рыжие охотники, взрослые, сильные, хотя они и едят ящериц.

Вон-толла хотел сказать, что долы, рыжие собаки Декана, двигались ради охоты и убийства, а стая знала, что даже тигр уступает долам свою добычу.

Рыжие собаки несутся через джунгли, убивают всё на своём пути, разрывают зверей в клочья. Хотя долы не так крупны и далеко не так хитры, как волки, они очень сильны и многочисленны. Долы, например, называют себя стаяй, только когда их наберётся не менее сотни; между тем сорок волков образуют уже настоящую стаю. Во время своих блужданий Маугли доходил до края высокого травянистого плоскогорья Декана: он видел, как бесстрашные долы спали, играли между собой или почёсывались в маленьких

впадинах, которые они считают своими логовищами. Он презирал и ненавидел их за то, что они пахли иначе, чем Свободный Народ, не жили в пещерах, главное же, за то, что между их пальцами росла шерсть, тогда как у него и у его друзей были чистые подошвы. Однако, со слов Хати, Маугли знал, как ужасна стая долов. Даже Хати сторонится их, и пока долы не бывают все перебиты, или дичи не становится мало они — идут вперёд.

Вероятно, Акела тоже кое-что знал о долах, потому что, обращаясь к Маугли, спокойно сказал:

— Лучше умереть среди стаи, нежели в одиночестве, без вожака. Предстоит хорошая охота и... последняя для меня. Однако ты проживёшь ещё много ночей и дней, Маленький Брат; люди живут долго. Иди на север, ложись, и, если после ухода долов кто-нибудь из нашей стаи останется в живых, он расскажет тебе о битве.

— А, — очень серьёзно ответил Маугли, — я должен уйти в болото, ловить мелких рыбок и спать на дереве? Или не лучше ли мне попросить помощи у Бандар-лога и, сидя в ветвях, щёлкать орехи, пока стая будет биться внизу?

— Придётся бороться насмерть, — произнёс Акела. — Ты никогда не встречался с долами, красными убийцами. Даже полосатый...

— Ой, ой! — запальчиво ответил Маугли. — Я убил одну полосатую обезьяну и нутром чувствую, что Шер Хан отдал бы на съедение долам свою собственную тигрицу, если бы он почуял их стаю вблизи. Слушай: на свете жил Волк, мой отец, и Волчица, моя мать. Жил также старый серый Волк (не слишком-то умный; он теперь белый), который был для меня и отцом и матерью. Поэтому я, — он возвысил голос, — я говорю, что когда долы придут (если придут), Маугли и Свободный Народ будут сражаться вместе. И клянусь выкупившим меня быком, в виде платы внесённой Багирой в старое время, которого не помните вы, волки нынешней стаи (прошу деревья и реку услышать и запомнить всё), в случае, если я забуду, да, клянусь, что вот этот мой нож послужит зубом стаи, и он не кажется мне слишком тупым! Вот какое слово сказал я, это моё слово.

— Ты не знаешь долов, человек с волчьим языком, — заметил Вон-толла. — Я хочу заплатить им мой долг крови раньше, чем они разорвут меня на многие части. Они двигаются медленно, убивая всё по дороге; через два дня ко мне вернётся немного прежней силы, и я пойду на них ради долга крови. Но тебе, Свободный Народ, я советую уйти на север и жить впроголодь, пока долы не вернуться в Декан. Эта охота не даёт пищи.

— Послушай, Вон-толла, — со смехом сказал ему Маугли. — Значит мы, Свободный Народ, должны убежать на север, вырывать из-под речных берегов ящериц и крыс, чтобы как-нибудь случайно не встретить долов? Они опустошат места нашей охоты, мы же будем прятаться на севере до тех пор, пока они не соблаговолит отдать нам наши же джунгли. Долы — собаки, щенки собак, рыжие, желтобрюхие, бездомные псы с шерстью между пальцами! Дол рождает по шести и по восьми детёнышей, как Чикаи, маленькая прыгающая крыса (кабарганчик). Конечно, мы должны бежать, Свободный Народ, и просить у северных племён позволения подбирать объедки и падаль. Вы знаете поговорку: на севере — черви; на юге — слизни. Мы — джунгли. Сделайте выбор, о, сделайте! Это хорошая охота! Во имя стаи, во имя полной стаи, во имя логовищ и детёнышей; ради охоты дома и охоты вне дома, ради подруги, которая гонит лань, и ради маленького волчонка в пещере — вперёд! Вперёд! Вперёд!

Стая ответила одним глубоким громовым лаем, который прозвучал в ночи, точно грохот большого упавшего дерева.

— Идём! — крикнули волки.

— Оставайтесь с ними, — сказал Маугли своим четверым. — Нам понадобится каждый зуб. Фао и Акела подготовят всё к бою. Я же иду сосчитать собак.

— Но это смерть! — приподнимаясь, закричал пришелец. — Что может сделать бесшёрстый один с рыжими собаками? Даже полосатый, вспомните...

— Поистине ты — Вон-толла, — бросил ему Маугли через плечо, — но мы поговорим, когда долы будут убиты. Хорошей охоты вам всем.

Маугли ушёл в темноту; он был охвачен сильным волнением, и он плохо смотрел себе под ноги, а потому совсем неудивительно, что юноша натолкнулся на питона Каа, который лежал на оленьей тропинке близ реки; Маугли упал и растянулся во всю свою длину.

— Кшша, — сердито сказал Каа. — Так водится в джунглях — идут, шагают и уничтожают всю ночную охоту, главное, когда дичь подходила так хорошо...

— Я виноват, — поднимаясь, сказал Маугли. — Ведь я искал тебя, Плоскоголовый, но при каждой нашей встрече ты делаешься всё длиннее и толще. В джунглях нет никого, подобного тебе, Каа, мудрый, старый, сильный и прекрасный Каа.

— Куда же ведёт эта тропа? — голос Каа звучал мягче. — Всего месяц тому назад человек с ножом бросал мне в голову камни и называл меня такими дурными именами, какими можно осыпать только маленькую дикую кошку, за то что я заснул на открытой поляне.

— Да, и разогнал оленей во все четыре ветра, а в то время Маугли охотился. Плоскоголовый был так глух, что не услышал свистка и не пожелал сойти с оленьей тропинки, — спокойно ответил Маугли и уселся между пятнистыми кольцами.

— А теперь этот самый человечек приходит к тому же самому Плоскоголовому с нежными, льстивыми словами; называет его мудрым, сильным и красивым, и старый Плоскоголовый верит ему и устраивает вот такое удобное местечко для бьющего его камнями человечка и... Тебе так удобно? Скажи, разве Багира может предоставить тебе такое удобное ложе для отдыха?

Каа, по обыкновению, сделал из себя нечто вроде мягкого гамака для Маугли. Юноша в темноте съёжился на упругой, похожей на канат, шее Каа; голова же огромного питона легла на его плечо. Наконец Маугли рассказал змее обо всём, что произошло в джунглях в эту ночь.

— Может быть, я умён, — заметил Каа, — а глух наверняка; в противном случае я, конечно, услышал бы фиал. Неудивительно же, что травоядные беспокоятся. Сколько долов?

— Я ещё не видал их. Я прямо пришёл к тебе. Ты старше Хати. Но, о Каа, — тут Маугли завозился от радостного чувства, — будет славная охота! Немногие из нас увидят новую луну!

— Разве ты тоже хочешь биться? Помни, ты человек, помни также, что стая выгнала тебя. Пусть волки встретятся с собаками. Ведь ты-то человек.

— Прошлогдние орехи теперь чёрная земля, — сказал Маугли. — Правда, я человек, но сегодня ночью я назвал себя волком и попросил реку и деревья помнить об этом. Пока долы не уйдут, я один из Свободного Народа.

— Свободный Народ, — проворчал Каа. — Свободные воры! И ты запутал себя в смертельный узел, в память мёртвых волков? Это нехорошая охота.

— Я дал слово. Деревья знают это; река знает. Пока долы не уйдут, я не возьму назад своего слова.

— Нгшш! Ну, это тропинки другого рода! Я хотел было увести тебя с собой к северным болотам; но слово — хотя бы слово маленького обнажённого, бесшёрстого человечка — всегда слово. Теперь я, Каа, скажу...

— Подумай хорошенько, Плоскоголовый, чтобы тоже не запутаться в смертельный узел. От тебя мне не нужно слова; я хорошо знаю...

— Пусть так и будет, — сказал Каа. — Я не дам слова. Но что ты будешь делать, когда придут долы?

— Они должны переплыть через реку. Я думал вместе со стаей встретить их моим ножом в мелкой воде. Ударяя лезвием и раскидывая этих собак, мы могли бы повернуть их вниз по течению или охладить им пасти.

— Долы не отступят, и пасти им не охладить, — ответил Каа. — По окончании боя не останется ни человека, ни детёныша волка, а будут валяться только голые кости.

— Алала! Если мы умрём, так умрём. Это будет отличная охота. Но мой желудок молод, и я видел немного дождей. Я не мудр и не силён. Придумал ты что-нибудь лучше, Каа?

— Я видел сотню и ещё сотню дождей. Раньше, чем Хати сбросил свои молочные бивни, от меня в пыли оставался большой след. Клянусь первым яйцом, я старше многих деревьев и видел всё, что делали джунгли.

— Но это новая охота, — заметил Маугли. — До сих пор долы никогда не пересекали нашего пути.

— Всё, что есть — бывало и прежде. То, что будет — только новое рождение ушедших лет. Помолчи, пока я сочту мои года.

Долгий час Маугли лежал среди колец питона, а Каа, опустив голову на землю, думал обо всём, что он видел, о чём слышал с того дня, как вылупился из кожуры яйца. Свет в его глазах померк; они теперь походили на мутные опалы; время от времени питон делал лёгкие, резкие движения головой то вправо, то влево, точно охотясь во время сна. Маугли спокойно дремал; он знал, что выспаться перед охотой очень хорошо, и привык засыпать в любой час дня или ночи.

Вдруг Маугли почувствовал, что спина Каа, на которой он лежал, стала больше, шире; питон надулся и зашипел со звуком меча, который вынимают из стальных ножен.

— Я видел все умершие года, — наконец сказал Каа, — и большие деревья, и старых слонов, и скалы, которые были обнажены и остры, прежде чем поросли мхом. Ты ещё жив, человечек?

— Луна недавно села, — ответил Маугли. — Я не понимаю...

— Хшш! Я опять Каа. Я знал, что прошло немного времени. Теперь пойдём к реке, и я покажу тебе, как защититься от долов.

Он повернулся, прямой, как стрела, двинулся к главному руслу Венгунги и погрузился в неё немного выше той заводи, которая скрывала Скалу Мира. Маугли был рядом с ним.

— Нет, не плыви. Я двигаюсь быстро. Ко мне на спину, Маленький Брат.

Маугли обнял левой рукой шею Каа, прижал правую к своему телу и вытянул ноги. Каа поплыл навстречу течению, как мог плыть только он один; рябь разрезанной воды окружила бахромой шею Маугли,

а его ноги раскачивались в разные стороны под хлещущим телом питона. Миля на две выше Скалы Мира река сужается в ущелье между мраморными стенами, высотой от восьмидесяти до сотни футов. Там она несётся, точно из мельничной плотины, между уродливыми камнями, иногда прыгает и переливается через них. Но перекаты и пороги не смущали Маугли; в мире было мало воды, которая могла хоть на одно мгновение испугать его. Он смотрел то на одну, то на другую стену ущелья и беспокойно нюхал воздух; ощущал кисло-сладкий запах, очень напоминавший испарение от муравейника в жаркий день. Юноша инстинктивно опустил в воду, и только время от времени поднимал голову, чтобы подышать. Вот Каа два раза захлестнул хвостом затонувшую скалу, обвив Маугли одним кольцом. А вода неслась мимо них.

— Это место смерти, — сказал Маугли. — Зачем ты принёс меня сюда?

— Они спят, — ответил Каа. — Хати не уступает дороги полосатому. Между тем Хати и полосатый сторонятся долов, а, по их словам, долы не поворачивают ни перед чем. От кого поворачивает вспять Маленький Народ скал? Скажи мне, господин джунглей, кто господин джунглей?

— Вот эти, — прошептал Маугли. — Это место смерти. Уйдём.

— Нет, смотри хорошенько; они спят. Здесь всё осталось в том виде, как в те времена, когда я был не длиннее твоей руки.

Расщеплённые и выветрившиеся скалы ущелья с самого начала джунглей служили приютом для Маленького Народа Скал — хлопотливых, свирепых, чёрных диких пчёл Индии, и, как Маугли отлично знал, все звериные тропинки поворачивали в сторону за милю от этого ущелья. В течение многих столетий Маленький Народ устраивал здесь свои соты, перелетал роями из одной расщелины в другую, опять выпускал рои, оставляя на белом мраморе пятна застарелого мёда; строил свои большие и толстые соты в темноте глубоких пещер, где ни человек, ни зверь, ни огонь, ни вода никогда не касались их. Всё протяжении ущелья с обеих сторон было увешено как бы чёрными, мерцающими бархатными занавесами и, глядя на них, Маугли нырял в воду, потому что занавесы эти состояли из миллионов сцепившихся между собой спящих пчёл. Виднелись также какие-то обломки, фестоны; древесные стволы, державшиеся корнями за стены скал; старые соты прежних лет или новые пчелиные города, выстроенные в тени безветренного ущелья; огромные скопления губчатого, истлевшего мусора, который свалился сверху и застрял между деревьями и лианами, прижимавшимися к отвесным скалам. Прислушиваясь, Маугли не раз улавливал, как отягчённые мёдом соты шелестели и скользили, переворачиваясь и падая, где-то в тёмных галереях; потом раздавалось сердитое жужжание крыльев и мрачное кап, кап, кап погибшего мёда, который сочился по камням, пока не останавливался на каком-нибудь выступе на открытом воздухе и стекал медленными струйками по ветвям. С одной стороны реки была маленькая отмель шириной всего в пять футов, и на ней лежала высокая груда хлама, скопившегося за неисчислимое количество лет. Он состоял из мёртвых пчёл, трутней, пыли, старых сотов и крыльев ночных бабочек-грабителей, которые залетели в это место за мёдом; и всё это превратилось в холмы из мельчайшей чёрной пыли. Уже один острый запах, который поднимался от этого хлама, мог испугать всякое бескрылое существо, знавшее, что такое Маленький Народ.

Каа снова поплыл против течения и наконец достиг песчаной мели в начале ущелья.

— Вот охота этого года, — сказал он. — Смотри!

На берегу лежали скелеты двух молодых оленей и буйвола, и Маугли сразу увидел, что ни волк, ни шакал не трогали этих костей, которые лежали в самом естественном положении.

— Они перешли через границу; они не знали Закона, — прошептал Маугли, — и Маленький Народ убил их. Уйдём, пока это племя не проснулось.

— Оно не проснётся до зари, — сказал Каа. — Теперь слушай, я расскажу тебе одну вещь. Много-много дождей тому назад сюда с юга прибежал спасавшийся от преследования олень; он не знал джунглей, и за ним гналась волчья стая. С помутившимися от страха глазами он соскочил с утёса, так как волки уже догоняли его; разгорячённые преследованием, они ничего не замечали. Солнце стояло высоко, и многочисленный Маленький Народ чувствовал сильный гнев. Некоторые волки кинулись в реку, но умерли, ещё не достигнув воды. Не соскочившие со скал тоже умерли там, вверху. Олень же остался жив.

— Почему?

— Потому что он прибежал первый, спасаясь от смерти, потому что он прыгнул раньше, чем Маленький Народ заметил его и собрался для убийства. А вся преследовавшая оленя стая совершенно исчезла под тяжестью Маленького Народа.

— Олень остался жив, — медленно повторил Маугли.

— По крайней мере, он не умер в то время; однако никто не явился, чтобы поддержать его в реке, как один старый, толстый, глухой, жёлтый Плоскоголовый явился бы, чтобы спасти своего человечка... Да, да, хотя бы по следу этого человечка бежали все долы из Декана. Что ты думаешь? — Голова Каа прижалась к уху Маугли, и юноша ответил.

— Смело задумано; это всё равно, что дёрнуть смерть за усы; но, Каа, ты действительно мудрее всех в джунглях.

— Многие говорят это. Теперь подумай: если долы побегут за тобой...

— Конечно, побегут, ха, ха! У меня под языком много маленьких колючек, которые я хотел бы вколоть в их головы.

— Если они побегут за тобой, разгорячённые и ослеплённые злобой, глядя только на твои плечи, те из них, которые не умрут вверху, кинутся в воду, или здесь, или ниже, потому что Маленький Народ поднимется и покроет их. А ты знаешь, эта река — река жадная, и у них не будет Каа, который бы поддержал их; значит, оставшиеся в живых помчатся вниз по течению, к мелям подле ваших логовищ, а там твоя стая может встретить их и схватить за горло.

— Ахаи! Лучше ничего не придумываешь, хоть ломай голову до той поры, когда в сухое время года польются дожди. Всё дело только в том, чтобы вовремя добежать до скал и спрыгнуть. Я покажу себя долам; пусть они гонятся за мной по пятам.

— А ты осмотрел скалы? Со стороны земли?

— Нет, нет; вот это-то я и забыл.

— Поди и посмотри; там мягкий грунт, весь изрытый, в ямах. Если твоя неуклюжая нога ступит неосмотрительно — конец охоте! Я оставлю тебя здесь и, только ради тебя, отнесу известие стае, чтобы твой народ знал, где ожидать долов. Но лично я не вожусь ни с одним волком.

Когда питону Каа не нравился кто-нибудь из его знакомых, он бывал неприятнее всех остальных жителей джунглей, за исключением, впрочем, одной Багиры. Он поплыл по течению и против Скалы Совета натолкнулся на Фао и Акелу; они сидели, прислушиваясь к ночным шумам.

— Кшш! Слушайте, собаки, — весело сказал им Каа. — Долы появятся по течению. Если вы не струсите, вам представится случай перебить их среди мелей.

— Когда они явятся? — спросил Фао.

— А где мой детёныш человека? — спросил Акела.

— Явятся, когда явятся, — ответил Каа. — Смотри и жди. Что же касается твоего человеческого детёныша, с которого ты взял слово и таким образом обрёк его на смерть, твой детёныш со мною, и если он ещё не умер, то совсем не по твоей вине, выгоревшая собака! Жди здесь долов и радуйся, что человеческий детёныш и я на твоей стороне.

Каа понёсся против течения и зацепился хвостом за камень посреди ущелья, поглядывая вверх на утёсы. Вот он увидел, как на фоне звёзд двигалась голова Маугли, потом что-то просвистело в воздухе и раздался резкий, ясный звук тела, падающего ногами вперёд в воду. В следующую минуту юноша уже безмятежно отдыхал, обвитый петлёй гибкого тела Каа.

— Клянусь ночью, что это за прыжок? — спокойно заметил Маугли. — Я, ради забавы, соскакивал с гораздо более высоких скал. Но там, вверху, скверное место — низкие кусты, очень глубокие рытвины, переполненные Маленьким Народом. Я положил друг на друга большие камни подле трёх рвов и на бегу сброшу их ногами; Маленький Народ поднимется позади меня, раздражённый, гневный...

— Это человечья речь и хитрость, — сказал Каа. — Ты умён, но ведь Маленький Народ постоянно сердится.

— Нет, в сумерках все крылья отдыхают. Я заведу мою игру с долами как раз в сумерки; тем более что красные собаки лучше всего охотятся днём. Они теперь идут по кровавому следу Вон-толлы.

— Коршун Чиль не оставляет мёртвого быка, а долы не бросят кровавого следа, — заметил Каа.

— В таком случае, я постараюсь сделать для них новый кровавый след из их же собственной крови и накормить их грязью. Ты останешься здесь, Каа, и дождешься, чтобы я вернулся сюда с моими долами? Да?

— Да, но что, если они убьют тебя в джунглях или если Маленький Народ покончит с тобой раньше, чем ты успеешь прыгнуть в реку?

— Когда наступит завтра, мы будем охотиться для завтрашнего дня, — ответил Маугли поговоркой джунглей и прибавил: — Когда я умру, придёт время спеть погребальную песню. Хорошей охоты, Каа.

Маугли выпустил из рук шею питона и поплыл вдоль ущелья, точно чурбан в ручье, направляя руками своё тело к отдалённой мели; там он увидел стоячую воду и засмеялся от счастья. Больше всего в мире Маугли любил, как он выражался, «дёргать смерть за усы» и показывать зверям джунглей, что он их главный повелитель. Юноша часто, с помощью Балу, обкрадывал пчелиные рои в отдельных деревьях и отлично знал, что Маленький Народ ненавидит запах дикого чеснока. Итак, Маугли собрал маленький пучок этих растений, связал их полоской коры и пошёл по следу Вон-толлы, который бежал к югу от сионийских логовищ; так Маугли прошёл пять миль; он постоянно склонял голову набок, поглядывал на деревья и посмеивался.

— Я был прежде Маугли-лягушка, — говорил он себе: — Маугли-волком назвал я себя. Теперь я должен побыть Маугли-обезьяной, прежде чем сделаюсь Маугли-оленом. В конце концов я стану Маугли-человеком. Хо! — и он провёл большим пальцем вдоль восемнадцатидюймового лезвия своего ножа.

След пришельца, весь усеянный тёмными кровавыми пятнами, бежал через лес из могучих деревьев, которые росли близко друг от друга; он направлялся к северо-востоку, и, по мере приближения к Пчелиным

Скалам, постепенно сужался. От последнего дерева леса до низких кустарников Пчелиных Скал тянулась открытая местность, где с трудом мог бы укрыться хотя бы один волк. Маугли бежал мелкой рысью; измерял на глаз расстояния между различными ветвями, время от времени поднимался на дерево, для пробы перепрыгивал с одного ствола на другой, наконец вышел на открытую местность и целый час внимательно изучал её. Потом он вернулся к исходной точке следа Вон-толлы, поднялся на дерево и сел на его большой боковой сук, на высоте восьми футов от земли. Юноша сидел тихо, точил нож о подошву своей ноги и тихо пел про себя.

Незадолго до полудня, когда солнце особенно припекало, он услышал топот ног и почувствовал отвратительный запах стаи долов; рыжие собаки безжалостно бежали по следу Вон-толлы. Если смотреть на дола со спины, он кажется в половину меньше волка, но Маугли знал, как сильны ноги и челюсти этих животных. Юноша посмотрел на серую голову вожака, который обнюхивал след, и крикнул ему «хорошей охоты».

Зверь поднял голову; его товарищи остановились позади него; стаю составляли несколько десятков рыжих собак с поджатыми хвостами, широкими плечами, слабыми задними ногами и окровавленными пастями. В общем, долы очень молчаливое племя, и даже в собственных джунглях не отличаются вежливостью. Ниже Маугли, вероятно, собралось двести долов, и он видел, что вожаки жадно обнюхивали след Вон-толлы, стараясь увлечь вперёд стаю. До этого не следовало допускать, потому что тогда долы могли бы пробежать к логовищам при ярком свете дня, а Маугли хотел задержать их под своим деревом до сумерек.

— Кто позволил вам прийти сюда? — спросил Маугли.

— Все джунгли — наши джунгли, — был ответ, и дол, который сказал это, оскалил свои белые зубы.

Маугли посмотрел вниз, улыбнулся и зацокал, как Чикаи, прыгающая деканская крыса; этим он хотел показать долам, что считает их не лучше крыс. Стая рыжих собак сгрудилась около дерева, и вожак с ожесточением залаял, называя Маугли древесной обезьяной. В ответ Маугли вытянул одну из своих обнажённых ног и стал крутить ею как раз над головой вожака. Этого было достаточно, больше чем достаточно, чтобы пробудить в стае бессмысленную ярость. Звери с шерстью между пальцами ненавидят, чтобы им напоминали об этом. Маугли поджал ногу в ту минуту, когда вожак подскочил. Юноша нежно сказал ему:

— Собака, рыжая собака! Вернись, вернись в Декан и кушай ящериц. Иди к Чикаи, твоему брату. Собака, собака! Рыжая, рыжая собака! Между твоими пальцами шерсть! — И он ещё раз повертел ногой.

— Спускайся, безволосая обезьяна, не то мы заморим тебя голодом, — провыла стая, а этого-то именно и хотел Маугли.

Он прополз по ветке, прижимаясь щекой к коре, и освободил свою правую руку, потом сказал долам всё, что он знал, главное же, всё, что он думал о них, о их обычаях, нравах, об их подругах и детёнышах. В мире нет более едких и колких слов, как те выражения, которые употребляют жители джунглей, чтобы показать своё презрение и пренебрежение. Подумав, вы сами увидите, что иначе и быть не может. Как Маугли сказал Каа, у него под языком было множество мелких колючек, и он постепенно и умышленно вывел долов из молчания, заставил их ворчать, потом превратил это ворчание в вой, а вой в хриплый, рабский, бешеный рёв. Они пытались было отвечать насмешками на насмешки, но с таким же успехом маленький детёныш мог бы стараться парировать оскорбления раздражённого Каа. Всё это время правая рука Маугли прижималась к его боку, готовая начать действовать; ногами же он обвивал большой сук. Крупный коричневый вожак несколько раз подскакивал в воздух, но Маугли не решался ударить его, боясь промахнуться. Наконец, гнев прибавил дополнительную силу долу, и он подскочил на семь или восемь футов от земли. Мгновенно рука Маугли опустилась, точно голова древесной змеи, схватила вожака за шиворот, и большой сук дрогнул от лишней тяжести; от этого толчка Маугли чуть было не свалился на землю. Но он не разжал руки и дюйм за дюймом стал поднимать зверя, который висел, точно удушенный шакал. Лёвой рукой Маугли достал нож, отрезал рыжий пушистый хвост дола и кинул дикую собаку на землю.

Только этого он и хотел. Теперь стая ни за что бы не пошла по следу Вон-толлы, пока не убила бы Маугли, или пока Маугли не убил бы всех долов. Вот они уселись в кружок, их задние лапы вздрагивали, и Маугли понял, что они собираются остаться на этом месте. Итак, юноша взобрался повыше, прислонился спиной к стволу дерева и заснул.

Часа через три или четыре он проснулся и сосчитал стаю. Все долы были налицо, молчаливые, шершавые, с сухими пастями и с глазами жёсткими, как сталь. Солнце садилось. Через полчаса Маленький Народ Скал должен был окончить свои работы, а как вам известно, в сумерки долы дерутся не так-то хорошо.

— Мне не нужно было таких верных караульщиков, — вежливо сказал Маугли, становясь на ветке, — но я запомню это. Вы истинные долы, хотя на мой вкус — слишком однообразны. А потому я не отдам хвоста крупному поедателю ящериц. Разве ты не доволен, рыжий пёс?

— Я сам распорю тебе живот! — проревел вожак, царапая лапами ствол дерева.

— Подумай-ка, мудрая деканская крыса. Появится много маленьких бесхвостых рыжих щенят; да,